

Александр Етоев

Бегство в Египет

Александр Етоев
Обратная сторона Земли

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136334
Бегство в Египет: Геликон Плюс; 1998
ISBN 5-7559-0016-7

Содержание

1	4
2	7
3	9
4	13
5	17
6	19
7	26
8	28
9	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Обратная сторона Земли

1

Мелкий, чуть крупнее дробины, в тесто был запечен камень, похожий на щучий глаз. Князь подбросил камешек на ладони, задумчиво поскреб в бороде и вытащил записную книжку.

Столовая при гостинице называлась, как и гостиница, – «Коммунальщик». Он записал: гостиница «Коммунальщик» – *Sic!*

Чай он допивать не стал, на дне плавали бурые хлопья муты, убрал камень в карман и отодвинул стакан. Пепельниц на столах не было. Князь покрутил пальцами папиросу, заметил колпак раздатчицы и курить пока передумал. Среди римлян ты римлянин, среди столовающихся россиян – россиянин. Князь уважал законы и правила коммунального общежития. Когда в восемьдесят четвертом он отыскал в избе погожского рыбака редчайший экземпляр «Блудодея», запрещенного царской цензурой и преданного анафеме духовенством, ему помогло лишь то, что, выпив с хозяином за знакомство, он встал и перекрестился на образа. Традиции – местное золото. Путешествуя за книжными редкостями, Князь то носил бороду, то не носил, то был прост, как нищий на паперти, то пускался в ученую заумь; единственный посох, за который

он твердо держался и который не выпускал никогда, – это вера в волшебницу-книгу.

Время приближалось к полуденному. Местный музей, куда он собирался наведаться по приезду, с неделю как заперли на замок по причине смерти зрителя. Об этом ему рассказал человек, торговавший на площади квасом. Еще поведал квасник площадной, что квасок нынче ссака, а не квасок, что у него, ежели гость желает, найдется квасок покрепче, что пиво в бане на Сошной по восемь рублей бутылка, а раков в Каменке еще в том году всех повывели. Что Тимофееву он на плешь клал, что он не какой-нибудь говеный цыган с Затонья, что его не замкнешь на сутки в милицейский амбар и не заставишь булыжником выпрямлять гнутые гвозди. Что Маруська с Киевской улицы родила на Пасху японца, а у зрителя Фогеля и дом пограбили в ту же ночь, когда самого убили. А убили его в музее, так и нашли уткнутого лбом в витрину, где лежали древние мощи. А во лбу – дыра с яйцом.

Солнце светило в спину, но не жарко, а как-то жалостно. Спешить, выходило, некуда. Знакомых в городе – никого. И сам городок, невесть почему называвшийся Камень-городом, был скучен, как любой провинциальный райцентр, пропахший запахами пыльной сирени и псины с местной мыловаренной фабрики. Старых построек в городе почти не осталось, лишь ветхая кладбищенская церквушка да здание райсовета, построенное по преданию Львовым.

Кроме Князя, одиноко сидевшего у окна, народу в столовой не было ни души. Князь достал из кармана книжицу – небольшую, в восьмую долю листа, смахнул со стола крошки и бережно положил на край.

2

В начале была книга.

На бумаге цвета гаснувшей на песке волны – голубовато-серой; на титуле ни слова о сочинителе, лишь строго и просто: «Повесть о князем камне».

Шрифт был старый, печально-строгий – классическая антиква, переседланная под российский зад. Таким печатали державинскую «Фелицу». Книга издана в маленьком городке в типографии некоего Козырева. На титуле так и стояло: Камень-город. В типографии Козырева. Года не было.

Сама бумага – с мутнеющей на свету филигранью; на ней не то медведь, не то черт – на плече топор, на голове пудовая княжеская корона. Если на знаке не черт, то бумага выделки конца позапрошлого века с ярославской мануфактуры наследника Саввы Яковлева.

Все это было понятно. Непонятно было другое. Ни в одном из существующих каталогов «Повести о камне» не значилось. Князь три ночи кряду не мог заснуть, так его поразили этот факт.

То, что местом, где печатали книгу, обозначен был Камень-город, – не очень Князя смущало. Конечно же, в таком богозабытом углу ни о какой типографии в те времена и речи быть не могло. Ближайшей из провинциальных печатен, если мерить по расстоянию, была ярославская. Но такие подмены

встречались. Хотя первый цензурный устав и был принят в России в 1804 году, но чертей дразнить и до сего счастливо-го года хотелось не всякому храбрецу. В конце-то концов, книгу могли напечатать в Москве, или на Юге, или, как поэт-метроман Струйский, в какой-нибудь безвестной Рузаевке. Чтобы шишки, если начнут трясти, посыпались на луковки и на крыши городишки, что понежальче. Потому и поставили при наборе никому не известный город – из хитрости и для скрытности.

И все-таки в любой сказке нужно искать намек. И начать он решил отсюда, с «фальшивого» места издания, чтобы с покоем на сердце поставить на месте крест.

3

Князь собрался встать и идти, когда улицу за окном затемнило набежавшее облако. С улицы запросился ветер, стал тереться боком о раму и, тоненько подвывая, погромыхивать оконным стеклом. На столе задрожал стакан. Повариха, стоявшая на раздаче, высунула из бойницы колпак и шумно втянула воздух. Князь спиной почувствовал холодок. Когда он встал и двинулся к двери, пыльный столовский кот, тихо дремавший на подоконнике, ожил и встрепенулся. Шерсть на нем встала дыбом, его подбросило как ужаленного, и, сшибая неубранную посуду, кот бросился по столам наутек. Рассыпавшись черной ракетой, он влетел в кухонное окно и где-то там успокоился.

– Рупь с тебя, оглашенный, – заорала на кота повариха.

Князь схватился за ручку двери, но та выскочила из руки, и перед ним на пороге выросла человеческая фигура. Князь не успел отступить. По ногам что-то больно ударило. Огромный пятнистый пес протиснулся, оттесняя в сторону, и, грозно рыкнув на Князя, оскалил мокрую пасть.

– Не привык уступать, боярин? – сказал человек, входя. – Фу, псина! К ноге! Боярин тебя не тронет.

Князь перевел дух.

– Павловна, нам борща. Со дна набирай, погуще. И собачке моей костей.

Человек прошел в помещение, не отрывая от Князя глаз. Князь сделал шаг, чтобы выйти, пес рванулся к нему, но, обжав вокруг ног, не тронул, а лег у двери.

– Сторож, – усмехнулся вошедший. Черный кожаный плащ блестел на нем, как железный.

– Давненько столичного духа не нюхивали. – Он вытащил из карманов руки – две красные костистые пятерни, – и растер их, словно с мороза. – Москва или Питер, боярин?

– Петербург.

– Значит, боярин, наше маслице приехали кушать? Оголодали, небось, в своем Петербурге? Павловна! Новость слышала? Питерские обедалы приехали.

Пес лежал на пороге. Князь смотрел то на пса, то на человека в плаще. Тот молча раскачивался на каблуках, и по лоснящейся коже плаща сновали, словно живые, синие электрические пауки.

– Константин Афанасьевич, – крикнула ему повариха. – Как там мой холодильник?

– Что? – Человек рассеянно обернулся. Повариха открыла прилавок и вынесла в зал заставленный широкий поднос. Человек кивнул: – Будет тебе холодильник.

– Ох! – Повариха опустила поднос на стол. Груда темных костей лежала между тарелок.

Человек в кожаном облизнулся.

– Ты шестая на очереди. Идешь в списке сразу после начальника штаба ГО товарища Петроченки.

Князь все ждал, когда же он отзовет собаку. Пес лежал, как колода, только лиловый язык дрожал на острых клыках. Человек в плаще уже ел, ссутулившись над глубокой тарелкой. Прямо руками, без остановки, он выхватывал из густоты мокрые большие куски, пропихивал их до самого горла и тут же выдергивал руку, чтобы не откусить кисть.

– Собака! – окликнул он наконец пса. Собака раскрыла пасть, и кость, перелетев над столами, хрустнула на железных зубах.

– Павловна, отнеси.

Повариха стряхнула кости с подноса себе на передник и молчком прошла мимо Князя. Пес закопался мордой в гору сырых костей, но с Князя глаз не спускал. Князь дернулся, заныла нога, пес рывкнул переполненной пастью и тут же вскинулся для прыжка.

Князь замер, но пес не прыгнул. Жадно и сыто урча, собака набивала живот. Затравленным взглядом смертника Князь смотрел на пиршество зверя. Пес проглатывал кровавую пищу, груда костей таяла на глазах, летела костяная мука, и Князь подумал тоскливо: не он ли у зверя на очереди, когда тот доложет все до конца.

Над тарелкой чавкал хозяин. Лицо его пошло пятнами, плащ топорщился на узкой спине, и был он похож на стервятника, дорвавшегося до дармовой мертвечины.

Неожиданно хруст замолк. Пес закашлялся, подавившись. Князь взглянул на порог и обмер. Перед самой собачьей

мордой, скрюченная и потемневшая, лежала кисть человека. Часть пальцев была обглодана, а на фаланге на безымянном блестело золотое кольцо.

Рубашка на Князе взмокла. Не понимая, что делает, он рванул ее на груди. Камешек, что лежал в кармане, выпал со стуком на пол и покатился между столами. Следом выпала книга.

Человек за столом вскочил. Лицо его помертвело. Он съелся и стал пятиться, медленно и с опаской. Пес жалобно скулил у порога. Теперь вместо грозного зверя перед Князем дрожал щенок. Поджимая хвост и повизгивая, он бросился хозяину в ноги. Тот споткнулся о пса и с грохотом повалился под стол. Одновременно солнечные лучи пробились сквозь облачную завесу и ярко осветили столовую. Дорога была открыта.

4

С улицы, с балкона напротив, тоскливо бляяла балалайка. Солнце опять пропало. Константин Афанасьевич Тимофеев тяжело опоминался на стуле. В ногах лежал верный пес, а старуха, стуча зубами, суетливо ползала на полу.

– Шумно... Откуда шум? Убрать.

Пес в два прыжка выскочил через дверь на улицу и спустя минуту вернулся. Балалайка на балконе умолкла.

– Плохо, Павловна, плохо.

Старуха ни жива ни мертва приоткрыла щербатый рот.

– Батюшко, да они ж ничего не поняли.

– Не поняли... Я кость свою застудил, на холодном полу лежавши. Пойдем, кончай мельтешить. – И расцепив пальцы, он с силой вонзил их в стол и проскреб на дереве борозды. – Собака, охраняй вход.

Они прошли через кухню мимо газовых языков огня. В стене за стопой кастрюль притаилась незаметная дверь. Тимофеев поддал ногой и железная баррикада рухнула.

– Ты оставайся здесь, – сказал он, не оборачиваясь, старухе и пальцем нарисовал на створке корявую букву Т. Дверца его впустила. Впустила и сразу же приросла к стене.

Тусклая капля лампы едва освещала место, но Тимофеев здесь не газету собрался читать. Он обошел колоду с торчащим из нее топором, походя пересчитал железные метлы и

рукавицы, и стоящие в углу у стены литые чугунные сапоги – заметив один обколотый, нахмурил брови и хмыкнул, – постучал по детскому гробику, послушал, что ответила пустота, кивнул, прошел дальше мимо ввинченных в потолок крючьев, с которых свисали чучела обезьяны и филина, вошел в угрюмую тень еще одного гроба, большого, стоящего на торце у стены, и молча отвалил крышку.

Лицо его обдало сыростью. Сбегая между мшистых камней, вниз мимо низких елочек уходила тропа. Тимофеев присел на корточки и носом потянул землю. Потом поморщился недовольно: «Чьей-то костью пованивает», – встал и отправился по тропе.

Тропа петляла недолго. Нырнув в болотистую низину и переползая лесок, она внезапно пропала, будто ее и не было. Тимофеев теперь стоял на самом краю обрыва. Над головой от горизонта до горизонта небо стянули тучи. Они ворочались как живые, оттесняя друг друга к северу. Там в невидимом далеке небо озарялось зарницами, и гулкий протяжный стон отзывался в коленях дрожью.

Плащ на Тимофееве вздулся, полы приплясывали на ветру. Кожа на лице потемнела и стала твердой от ветрового ожога. Веки затащили глаза, на губах заискрилась соль, и весь он сделался худее и выше, стоял, раскачиваясь, как пьяный, и непокрытой серебряной головой подпирал бушующий свод.

Так он стоял долго, потом вздрогнул, открыл глаза и пальцем прямо на воздухе поставил крупную букву Т. Буква

вспыхнула и исчезла. Крутой каменистый склон, что спускался от самых ног, поднялся, потом опал и сделался вдруг пологим. Тимофеев сошел по нему, как сходят по трапу на берег, – он шел, и земля за спиной вздыбливалась и уходила вверх, отрезая гору от дола.

Он вышел на бесконечный пляж. До горизонта кипело море. Порывами задувал ветер, и пепельные великаны-валы рассыпались на миллионы мелких и с шумом вгрызались в берег.

– Нет покоя, – сказал он хмуро и сплюнул на отсыревший песок. Слюна у ног зашипела и погасла, оставив пятно.

Море выдохнуло в последний раз, соленые утесы разбились, и мелкая слюдяная рябь заиграла на спокойной воде. Небо раздалось на стороны, ветер разогнал тучи, а скоро и сам притих, уйдя в воздушную высоту. В одночасье на берегу посветлело, хотя небо оставалось пустым – ни солнца, ни звезд, ни луны, – сам натянутый на окоем купол источал осторожный свет.

– «Ничего не поняли...» А если и понял, так что? Моя возьмет, бородатый. Не со мной тебе воевать. И книга тебе не поможет. Камень, землей рожденный тебе, дураку, на погибель. Здесь твое место, в земле. – Тимофеев ткнул пальцем под ноги и рассмеялся. – В моей земле. Покамест она меня слушается. Ты меня слушаешься, сырая?

Он с силой притопнул ногой, и земля ответила вздохом.

– Кто твой князь? Или не я? Пока я жив, ты у меня в слу-

жанках. Мне топтать твои ребра. А пришлым, что рыщут по мою душу, ты будешь могилой.

– Черви! – громко прокричал Тимофеев. – Кто ваш господин?

Берег зашевелился, и из бесчисленных земляных пор на свет поползли черви.

– Пока я дышу, вы мои слуги.

– Мы, – прошуршали по песку черви.

– Вороны, совы! – Он взмахнул над землей плащом.

В небе заклокотало, заухало, и тень от гигантской стаи покрыла землю, как туча.

– Гады морские!

– Ты наш господин, – глухо отозвалось из глубины.

Тимофеев пошел вдоль берега, оглядывая свои владения. Мелкие прозрачные волны отступали, когда он проходил. Пляж тянулся широкой лентой, охватывая берег дугой. Россыпи гладких камней блестели, как чешуя рыбы. Слева высилась круча, каменные зубья и стрелы высохших елей, словно сторожевые вышки, поднимались над иссеченной стеной.

Внезапно Тимофеев остановился.

– А чтобы ты не скучал, боярин, познакомлю-ка я тебя с моими друзьями Мокрым, Горячим и Каменным.

Стемнело. Находившись за день по городу и наглотавшись скуки и пыли, Князь порядком вымотался и устал. Из намеченных на сегодня объектов он успел посетить два – типографию и библиотеку. Ни в хранилище мудрости, ни в пропахшем типографскою краской цехе о книге и слыхом не слышали.

– Может, кто из стариков помнит, – посоветовала ему в типографии барышня-заместитель, ВРИО уволенного директора. – Иван Иванович Козлов, он еще при царе работал. Проживает на Данилкиной Даче, дом не помню, да там его любая собака знает.

– Если старик не помер, – добавила она, улыбнувшись.

Запасшись коммерческой водкой и банкой сельдей в томате, Князь отправился пытаться счастья у старика Козлова.

На площади возле злополучного «Коммунальщика» второй раз за день он набрел на продавца кваса. Несмотря на сумеречные часы тот упрямо сидел у бочки, уткнувшись лицом в газету. На Князя он даже не посмотрел. Князь кашлянул в кулак, потом постучал о бочку, давая о себе знать. Читающий продавец ни слова не говоря кивнул и, не глядя, наполнил кружку. Князь выпил. Квасник продолжал читать. Если по совести, Князь подошел к нему неспроста, он собирался узнать несколько полезных вещей: 1) последние городские

новости; 2) что такое Данилкина Дача, и как до нее добратся; и 3) вопрос о жилье. Надо же ему где-то ночь ночевать.

– Ветерок, – сказал Князь для зачина. – Гроза будет. На счет жилья у вас как? Сдают?

Продавец посмотрел на него, вздохнул и ничего не ответил.

– Я утром к вам подходил. Помните?

– Многие с утра подходили, – насупясь, сказал квасник. – Только с утра и подходят.

Он согнулся и пробормотал еле слышно:

– Везде плохо. На одной Луне хорошо, где нас нет.

Князь ничего не понял, пожал плечами и собрался уходить с площади. Но только он отошел, как услышал из-за газеты:

– Ты бы уезжал поскорей. Тут ко мне подходили, про тебя спрашивали – что, да как, да не рассказывал ли я тебе про музей – музеем особенно интересовались. А мне – что. Я им так и сказал: не знаю. Подошел человек, квасу выпил, получил сдачу, и – все, привет. Но ты, борода, уезжай. Это люди такие. Тимофеевские. Он у нас здесь хозяин.

6

Итак, он оказался в опале. Пес, жрущий человеческие останки. Костлявая личность в плаще. Тимофеевские и сам Тимофеев – хозяин. Кто он здесь? Мориарти каменгородских масштабов? Душегуб-мэр? Главный рубака из движения за чистоту нации? Мясник в магазине? Или начальник ОБХСС?

Предостережение продавца кваса поначалу огорошило Князя. Ему вспомнился убитый и обворованный Фогель. Дыра с яйцо во лбу – не лучшее украшение для головы. И все-таки Князь решил – сдаваться ему пока рано.

Музей. Первым делом надо попасть в музей. Старорежимный Иван Иванович Козлов может и потерпеть. Раз при царе терпел, потерпит еще денек при обновленном социализме. Все терпят.

День медленно угасал. Майские вечера тянутся в провинции долго. Сирень почти отцвела и в сумерках отливала фосфором. Прохожих на улицах не было. На скамейках у молчаливых домов не дремали совы-старухи и не хихикали влюбленные парочки. Город походил на пустыню, и если бы не редкие голоса из окон и не свистки на железнодорожной станции, в пору было подумать, что в городе объявили эвакуацию.

От безлюдья и непокоя захотелось нырнуть в сирени, уй-

ти от невидимых глаз, что Князь и сделал немедля, свернув с улицы в сад. Музей, насколько он помнил, находился где-то неподалеку. Князь выбрался на соседнюю улицу, такую же сумеречную и пустую, опять окунулся в кусты и скоро за невысоким забором увидел здание музея. Призрачные деревья бросали по сторонам тень. Тени переплетались, воздух пропах сыростью и влажной древесной корой. Князю сделалось зябко.

Стояла тишина. Где-то близко постукивали часы – тихо-тихо, чтобы смертный не догадался, что это отмериваются минуты, которые ему остается жить. Двухэтажное здание, в котором находился музей, задником выходило к древним развалюхам-сараям и могучей куче угля, наваленного впере-мешку с мусором. Где-то там, ближе к сараям, должен быть запасной выход, а может быть, и пожарная лестница.

Князь яко тать в нощи перебежками от дерева к дереву скоренько пересек сад и спрятался за тощей поленницей. Он прислушался. Тихо. Пустые окна смотрели на него со стены. От дома веяло смертью. Где-то там за желтыми стенами нашли убитого Фогеля.

Лестница скрывалась в тени. Бесшумно, по-обезьяньи, Князь вскарабкался под козырек крыши и посмотрел с высоты на город. Тусклая полоса зари еще серебрила землю. В меркнушем свете вечера успокоенно и неподвижно разлегся перед Князем зверь-город. Казалось, он уже спит. Улицы то-нули во мгле, и тонкие ребра антенн чернели над горбатыми

крышами – мертво, как кладбищенские кресты. На западе, на городской окраине светились огни депо, там вздыхали и лязгали тепловозы; голос железной дороги – единственное, что оставалось живого в этом сонном царстве теней.

Решетка на чердачном окне по счастью оказалась незапертой. Ползком, чтобы не грохотать железом, Князь пробрался в теплую темноту и выждал, чтобы успокоилось сердце. Чердак утопал в пыли. На ощупь, касаясь балок, Князь сделал шаг в темноту, и в стороне что-то взвизгнуло, мелкие шелестящие звуки заставили сердце подпрыгнуть. В нос ударила пыль. Князь отпрянул от неожиданности, но тотчас взял себя в руки. Это были всего лишь мыши.

Скоро его глаза притерпелись к темноте чердака, и он уже смог различать туманные полосы окон, перекрещенных железом решеток.

Он пошел наугад вперед и, пройдя с десятков шагов, оказался у невысокой двери. Князь толкнул ее осторожно, дверь скрипнула и открылась. Он ступил на короткую лестницу и прошел в безлюдный музей.

Тихо постанывали половицы. Свет зари проникал внутрь и пятнами растекался по стенам. Он выхватывал из застекленных рам какие-то точки и линии; чтобы рассмотреть их получше, нужно было подойти вплотную к картине, но когда Князь подходил, собственная его тень падала так плотно и густо, что изображение исчезало совсем. Живопись Князя не интересовала, тем более современная. Он и днем-то прошел

бы мимо картин, зевая, сейчас и вовсе было не до того. Князь мог себе примерно представить расположение музейных залов. Все провинциальные музеи выглядят на одно лицо.

Князь и сам толком не знал, *что* он должен здесь отыскать, но особым старательским нюхом чувствовал – пахнет удачей.

Он прошел несколько залов и ничего особенного не приметил. Картонные коробки и купола, спичечные деревца и человеческие фигурки из воска. Перспективы развития города. Не то, не то. А еще эта гнетущая темнота, когда из пустой стены вылезает вдруг деревянная рука идолища, или глаз с закоптелой иконы просверливает в спине дыру.

Еще один зал долой. Следующий. Паровоз братьев Черепановых, Юрий Гагарин, двухголовый младенец в колбе, осколки греческой вазы, копия с репинских «Бурлаков». Не то, не то.

Спускаясь на первый этаж, на лестнице Князь чуть не подвернул ногу. Он с трудом удержался, схватившись за холодную стену. И ладонью угодил в выключатель. Князь на секунду ослеп и от света прикрыл глаза. А когда открыл, первое, что он увидел, – скрючившегося на полу человека и бурые пятна крови, запекшейся на мертвом лице.

Человек был стар, худые тонкие руки протянулись к большому шкафу, занимавшему полстены напртив. В шкафу, тускло отсвечивая, висели воинские доспехи.

Не спуская глаз с мертвеца, Князь стал отступать по лест-

нице. Если его сейчас обнаружат – ночью, в пустом музее, один на один с покойником, – веселенькая выйдет история. Он почти добрался до верха, когда мертвый на полу шевельнулся и издал стон. Князь совсем упал духом. Ни жив ни мертв, он стоял на площадке лестницы. Внутри все вымерзло и охладело, словно он наглотался снега. Хотелось волком завывать, плюнуть на эти страсти и бежать, не раздумывая, из города – сейчас же, покуда цел, пока его не сглодали с кожей трупоеды-собаки и оживающие по ночам мертвецы. На вокзал, забиться на полку в вагоне и не открывать глаз, пока холодный ветер с равнины не развеет страшный туман.

– Там... – Мертвец медленно оживал. Он с трудом поднял руку. Она была высохшая и желтая, как у больного, умирающего от холеры. – Там...

Он показывал на шкаф у стены, где за толстым пыльным стеклом лежало оружие воина.

– Меч... Скорей достань меч. – Рука лежащего опустилась. – Скорей, осталась ровно минута.

С трудом соображая, что делает, Князь скатился вниз по ступеням и подбежал к шкафу. Он дернул узкую ручку. Шкаф был заперт, а замочная скважина опечатана запекшимся сургучом. В сургуче крупно и четко отпечаталась буква Т.

– Заперто. – Князь обернулся. Старик смотрел на него. На лбу в глубоких морщинах блестели алые капли. Волосы на голове спутались в кровавый колтун. Губы едва шевелились.

– Меч... Разбей стекло и возьми.

Меч был странный, огромный – про такие Князь только в сказках читал, а вживе видеть не приходилось. С длинной кованой рукоятью и широким лезвием из тронутой чернью стали. По лезвию, полустертая, шла узорная вязь из слов. Некогда было читать, его торопил старик.

«Все одно, – тоскливо подумал Князь. – Пусть уж будет и это.» Он высадил каблуком стекло. Колкая стеклянная крошка мгновенно вонзилась в щеку. Он хотел обтереть кровь, но сзади хрипел старик. Тогда он взялся двумя руками за рукоять, с силой рванул на себя, но меч как висел, так продолжал висеть, вросши намертво в стену. Князь бессильно развел руками.

– Не могу.

– Сможешь, напои его кровью.

Князь ладонью провел по лицу и наложил ее на холодное лезвие. Только он это сделал, как меч сам скользнул ему в руку. Он стал легким, как птичий пух, словно весу в нем не было никакого. Это был призрак меча, и в то же время, когда Князь взмахнул им над головой, воздух рассекся со свистом и в лицо ударило ветром.

В голосе у старика силы заметно прибавилось.

– Теперь разруби узел.

Князь с зажатым в руке клинком обернулся, не понимая приказа. И вдруг увидел в ногах старика тяжелую железную цепь. Князь мог поклясться, что еще минуту назад никакой

цепи не было.

– Руби, или будет поздно.

Князь ударил мечом по цепи, и она разлетелась в пыль.

– Все, теперь я свободен. – Морщины на лице старика разгладились. Он все еще продолжал лежать, но глаза светились покоем. – Князь – твое имя. Я ждал, я знал, что ты должен прийти. Сейчас я уйду к себе, а тебе еще многое надо сделать.

Меч и книга. Меч теперь твой. Ты – хозяин меча. Когда он тебе понадобится, назови свое имя: Князь.

– Книга? – Князь услышал знакомое слово.

Старик не дал ему говорить.

– Все в книге. А теперь делай, что должен делать. Мне пора уходить.

Только он это сказал, как музейный зал опустел. Старик исчез, и пятна крови исчезли; меч, что только что играл у Князя в руке, занял свое место в витрине. Стекло было по-прежнему пыльным, и за ним на продранном бархате висел самый обыкновенный клинок с инвентарным музейным номером.

Власть красит человека. Труд превращает его в раба. В камне сила, и сила камня – во мне. Тимофеев сидел в кабинете и нервно набирал номер. Словно драконий панцирь, тело его обтягивал плащ. Хозяин города чувствовал себя скверно, всю ночь ворочались в печени тяжелые свинцовые камни и снились чужие сны. На другом конце провода подняли, наконец, трубку. Голос сказал:

– Сторожка.

Тимофеев помолчал, потом заговорил быстро, словно спешил:

– Плохие дела, Вдовец. Пришлый освободил Фогеля. Понимаешь, что это значит? Это дурной пример. Того и гляди, что всякая двуногая сявка начнет поднимать голову. Фогеля я проучил, Фогель похитил книгу. Свободу почувствовал, старичок. Помирать собрался, решил под конец очиститься. Еженощная пытка смертью – хорошее наказание предателю. Вдовец, пока этот питерский здесь, не видать нам спокойной жизни. Печенка всю ночь болела. Двести лет не болела, а тут схватило – хоть помирай. Хоть клещами вытаскивай. Ладно, слушай. С Фогелем сделаешь так. Могилу старика раскопай, тело залей цементом, а гроб со всех сторон обнеси железной решеткой. И не забудь окропить железо водой из Змеева Яра. Как сделаешь, дай мне знать.

Высунув горячий язык, у ног хозяина лежала собака. Он грел об нее свои плоские ревматические ступни и рукой разглаживал шерсть. Не опуская трубку и продолжая гладить собаку, Тимофеев набрал новый номер.

– Это отдел культуры? Баранова? Кто из ваших отвечает за городской музей? Выходит, раз смотрителя нет, так и неси оттуда что хочешь? Поставить сторожа. Провести инвентаризацию. Все проверить. По моим сведениям из музея разворовывают экспонаты. Есть сигналы. Милиция в курсе. Так что, милая моя, срочно примите к сведению. На ваше место всегда найдутся желающие.

Тимофеев повесил трубку и откинулся на высоком кресле. Сверху над его головой со спинки из резного картуша смотрела темная буква Т. Та же самая буква была на перстне хозяина. Он прикрыл прозрачные веки и словно бы задремал. В кабинете было не по-утреннему сумрачно от наглухо задернутых штор. Хозяин не любил света. Он не любил солнца, луны и звезд. Он завидовал их покою. Он любил полумрак, и серый дождливый день, и ветер, разбивающий птичьи стаи и с волн срывающий пену. Бурный, безумный ветер, под которым сгибается человек. Как перед ним, хозяином.

Не открывая век, он сказал:

– Что-то не слышно вестей от моего должника Каменного.

8

Утро выдалось мирное. Город спал, ночные тени попрятались по углам и подвалам, и свозь серую дымку Востока пробивалось раннее солнце. После событий ночи Князь чувствовал себя больным и разбитым. Тело ныло, в висках покалывало, а во рту словно ночевала жаба. Он умылся прямо на улице из какой-то допотопной колонки и теперь брел наугад мимо длинного некрашеного забора.

Улица скоро кончилась, пошли клочки огородов, и за неглубокой речушкой открылись пустеющие поля. Так он шел с полчаса, вдыхая утренний воздух и распугивая ворон. На пути за лысым бугром он увидел одинокую рощицу – несколько старых ив, окружавших болотистую низину. У обочины рядом с рощей лежал выгоревший на солнце валун, похожий на конский череп. Князь почувствовал, что устал. Он сел на лежащий камень и вытянул усталые ноги.

– Май, – подумал он грустно. – В Ленинграде уже белые ночи. Мосты разводят, сиренью торгуют на набережной. Как-то там моя Галя-голубушка, Галина Петровна?

Он вспомнил ее Галерную и белые занавески на окнах.

– Александр Викторович, вы? – Она выходит под козырек парадной и поправляет сбившиеся очки. Значит, спешила.

– Здравствуйте, Галина Петровна. Вот прогуливаюсь перед сном. Светло. Случайно проходил мимо. Может, вместе?

А она, дура дурой, скажет, будто не понимая:

– Ой, Александр Викторович, мама меня в аптеку послала.

– Я вас до аптеки.

Аптека, конечно, уже закрыта, дежурная – за мостом, и мы идем через мост, обжигаясь друг о друга плечами. Потом обратно, над черной коркой воды, по черному вечернему диабазу, по белому вечернему городу.

Белая занавеска гаснет, это Галина Петровна выключила на столе лампу. Под лампой спит до утра последний номер «Отечественных архивов» со статьей А.В.Князя «Опыт прочтения маргиналий». Времени уже третий час.

Князю стало теплее. Он сидел в прозрачной тени и лениво жевал травинку. В болотце неподалеку вяло позвякивали камыши, воздух сделался сонным, незаметно подкрадывалась дремота.

– Галя, Галина Петровна. Вот приеду и поведу тебя прямо в ЗАГС. Сколько можно тянуть, так до пятидесяти дотянешь. И ей уже почти сорок. Старые голубк[л]и.

Мысли потекли медленно и тягуче, травинка выпала из руки, и Князь, улыбаясь сонно, подумал, прежде чем провалиться в туман:

– А с мечом в руке я выглядел, наверно, неплохо. Посмотрела бы на меня Галина Петровна, голубушка...

– Человек, – то ли услышалось Князю, то ли голос пришел во сне.

Он открыл глаза и прислушался. Тень от ивы сдвинулась на дорогу, небо на западе обложили тучи, и ветер гулял в камышах, раскачивая сухие верхушки.

«Послышалось», – закуривая, подумал Князь. От сидения на камне затекли ноги, он встал и огляделся вокруг.

– Человек. – Голос повторился опять.

Князь обошел иву, удивленно посмотрел на дорогу и, остановившись взглядом на камышах, подумал, что спрашивают оттуда.

– Добрый человек, помоги.

Голос шел не из камышей, скорее, он раздавался от камня, но говорившего нигде не было.

– Где вы? Я никого не вижу.

– Посмотри на камень, я здесь. Помоги мне, я не могу выйти.

Голос явно раздавался из камня. Камень лежал в земле, окруженный примятой травой, – валун как валун, гладкая глыба известняка с редкими вкраплениями кварца. Князь, помня об опасных событиях, осторожно к нему приблизился, но близко не подходил, а остановился поодаль.

– Не бойся, подойди ближе.

«Знать бы, кого бояться», – сказал сам себе Князь, но вдруг подумал, сидел же он на нем с полчаса, задремал даже, и ничего. Он подошел к валуну и стал ждать, что же будет дальше. Скорее всего, решил Князь, камнем завален какой-нибудь лаз в земле, и человеку из-под него не выбраться.

Он уперся руками в валун и попробовал сдвинуть. Камень даже не покачнулся.

– Помогайте – толкайте снизу, – крикнул Князь неизвестно кому. – Вместе, раз-два...

Ему показалось, что камень отозвался смешком, но Князь не подал виду и продолжал толкать.

– Силой мне не поможешь, – сказал голос.

Князь отступил. Вытирая вспотевший лоб, он удивленно смотрел на валун.

– Думай, что ты внутри камня, – сказал голос устало, – думай, что тебе тяжело, что тебя жалят кристаллы, что тебе нечем дышать и вокруг темно. Думай, что ты внутри камня. Это просто, только попробуй. Сделай, добрый человек. Закрой глаза и представь.

– Зачем? – замешкался Князь.

– Помоги мне, я умираю. Сделай, как я сказал.

«Чертовщина не желает кончаться, – со вздохом подумал Князь. – Ладно, все-таки это не оживающий труп.»

Он закрыл глаза и стал думать о колючей каменной тесноте, обо всем, что говорил ему голос. И только он об этом подумал, как дыханию сделалось тесно, тело словно сдавило, холодные слюдяные грани больно налегли на глаза, а когда он их с трудом разлепил, то увидел подошву ботинка и две колонны-ноги, уходящие высоко в небо.

Человек был великаньего роста, голова его, скрытая тенью ивы, терялась среди высоких ветвей. И само дерево, разрос-

шись в полнеба, превратилось в широкий купол, застилающий божий свет.

– Спасибо, добрый человек. И наперед подумай, как встать на дороге у Тимофеева. Теперь прощай, лежи здесь в тенечке, дожидайся нового дурака. – Человек с силой пнул Князя в каменный бок и добавил, давясь от смеха: – Долго же тебе ждать придется. Не все такие доверчивые, как ты. Люди нынче пешком по дороге не ходят, а если ходят, то не оглядываются – себе дороже.

День прошел, или год, лил дождь и палило солнце. Мысли Князя окаменели, он еще пытался понять, как же с ним случилось такое. Почему в век разума и прогресса на свете существуют такие странные вещи. Волшебный меч, каменное заклятье. Почему сказки, в которые верят разве что несмышленные дети да какие-нибудь пигмеи в африканском лесу, вдруг превращаются в явь – дикую, непонятную, от которой невозможно избавиться. И как же его такого полюбит теперь Галина Петровна.

Князь лежал и чувствовал, как трутся о его тело скользкие земляные черви, как, сложившись тугими кольцами, отдыхает на камне уж. Несколько раз он видел на дороге машины. Они проносились мимо, те, кто в них ехал, ни в какие сказки не верили. От машин поднималась пыль, она оседала на камне, и тело начинало зудеть. Это было не самое тяжкое из мучений, наложенных на него судьбой. Пыль смывал дождь, дождь служил ему вместо рук. Но – память, но – одиночество, но – будущее, в котором не оставалось света. С этим справиться помощников не было.

Однажды ночью, когда рошу остудило туманом, он услышал со стороны болота какие-то неясные звуки. Звук шел снизу из-под земли, словно там, в сырой глубине, трудился огромный крот. Скрипели раздвигаемые пласты, и осыпа-

лась крошка. Звук то пропадал, то появлялся снова. Князь ждал, напряженно вслушиваясь. Скоро он услышал отдаленный металлический лязг. Об опасности Князь не думал – что ему, заключенному в камне, какая-то возня под землей. Звук тем временем нарастал, скоро монотонные удары из-под земли стали сотрясать почву. Окаменевшим сердцем Князь почувствовал беспокойство. Он не мог понять, что же происходит внизу. И когда беспокойство переросло в ожидание и тревогу, Князю послышалось будто кто-то окликает его по имени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.